

 Доктор
Юнна

Рискованные связи

Жизненные истории

Доктор Нонна
Рискованные связи (сборник)
Серия «Житейские истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=574015

Рискованные связи : повести / Доктор Нонна: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-47011-2

Аннотация

В прекрасном Будапеште встретились он и она, юные, красивые, талантливые. Любовь вспыхнула с первого взгляда. На празднование Нового года приехал Слава к родителям невесты, чтобы попросить ее руки. Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше: пара прекрасная, не за горами и пополнение в семействе. Да вот что-то тревожило мать Серафимы, беспокойно было ее душе от предстоящего торжества. Кого напоминает ей избранник дочери? Чьи знакомые черты узнает она в его облике? Стоит ли доверять свою Симочку этому словно родному человеку?

Содержание

Рискованные связи	4
ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	37
ГЛАВА 5	51
ГЛАВА 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Доктор Нонна

Рискованные связи

*Огромное спасибо моему мужу,
первому читателю и издателю Мише,
за любовь и долготерпение...*

Рискованные связи

*Даже если ты падаешь, знай, что это падение
может стать трамплином для твоих детей.
М. Шнеерсон*

ГЛАВА 1

Халатность – вот что мешает российскому населению нормально жить и следовать законам. Но Андрею она спасла жизнь.

Его забыли положить в холодильник. Сначала не было мест, а когда одно освободилось, на его тело пришла разрядка по вскрытию на завтра. Санитар, спешащий домой к телевизору попереживать за любимую футбольную команду, решил лишний раз не суесться.

Почти сутки отлежавшись после аварии, Андрей очнулся

и долго раздумывал, где, собственно, он находится. Во-первых, было холодно, во-вторых, темно. Спиной и ягодицами он ощущал металлическую поверхность, а на лицо была накинута ткань.

«Я не в гробу, – сам себе объяснил Андрей. – А это уже обнадеживает. Наверное, я в морге».

Сил поднять руки и проверить свою догадку пока не находилось.

Проснувшаяся память начала раскручивать воспоминания в обратном порядке.

Он сидел за рулем своего «Мерседеса» и пытался оторваться от нагонявшего его автомобиля. Раздалось несколько выстрелов, и на ветровом стекле появились сквозные дырки, окруженные паутиной трещин.

«Вперед! – решил Андрей. – Другого выхода нет».

Настроившись на отключение сознания, что приводит к расслаблению всех мышц, и следовательно, к минимальному травматизму, он направил машину в ближайший фонарный столб и одновременно отстегнул ремень безопасности.

Дверцу автомобиля Андрей открыл за мгновение до удара...

Его швырнуло в сторону, метров на пять, и он упал в сугроб, покрытый ледяным настом. Сугроб оказался странно твердым. Видимо, снег сгребли на бетонную плиту или горку гравия.

Перед тем как потерять сознание, Андрей ощутил удар,

пришедшийся на ребра, колени и голову. Очнувшись, сквозь вязкую темноту услышал резкий вой машины «Скорой помощи», ощутил прикосновения чужих рук к голове и усталый голос:

– ...Черепно-мозговая... не жилец.

С врачом кто-то заговорил, уточняя диагноз, и Андрей побоялся, что его отправят в больницу, спасти.

– Умри, – приказал он себе и окончательно провалился в ничто.

Две недели назад в их офис пришли трое «братков». Пришли шумно, вырубili двух охранников, надавав под дых и по почкам. Разбили стеклянную столешницу стола в приемной, наорали на секретаршу так, что та расплакалась.

Когда Андрей, услышав громкие голоса, открыл дверь своего кабинета, на него уставились три пары наглых глаз.

– Ты, что ли, хозяин?

Один из посетителей, похожий на разъявшегoся кабанчика, ладонью втолкнул его обратно в кабинет.

– Есть разговор.

Андрей, стараясь сохранить лицо, спокойно прошел за свой стол, сел в офисное кресло.

– Я вас слушаю.

– Еще бы. Ты будешь слушать сюда. Нам, – браток обвел руками своих товарищей. – Нам нужны деньги. А тебе...

В этот момент в кабинет вошли Гена и Александр. Оба в дорогих костюмах, хорошо подстриженные, пахнущие экс-

клюзивным парфюмом. Братки оценили их по-своему: худенькие, лощеные, в цивильных костюмчиках, оба в очечках. Одно слово – интеллигенты.

Гена и Александр прошли к дивану, стоящему рядом со столом Андрея, сели.

– То есть вам, – продолжил браток, – нужно спокойно жить, без неприятностей. Поэтому с вас триста тысяч зелени. А то разжировались на нашей земле, аж смотреть противно.

– Не понял, – Андрей достал из пиджака пачку сигарет, закурил. – С какого перепуга мы должны платить за то, что сами зарабатываем деньги? Ни у кого не отбираем, не занимаем, не грабим?

– Под наивного косишь? А вот давай с твоими поделельниками побазарим. – Вымогатель развернулся всем телом к дивану и смерил Геннадия уверенным взглядом. – Хочешь, чтобы у фирмы склады погорели или дочка твоя до детского сада не дошла?

Гена как-то сразу обмяк, потеряв весь лоск. Его компаньон, сидящий рядом, наоборот, выпрямился.

– А что так много запрашиваете? – Александр тоже достал из кармана пачку сигарет, но не закурил, только размял пальцами сигарету. – Нам сложно потянуть такую сумму.

– Вам сложно? – Браток развернулся к Андрею. – Меня Лешей зовут. Говорю, чтобы легче было общаться. Так вот, на одного триста штук многовато, но ведь вас трое, так что получается по сто штук на рыло, а это уже реальная сумма.

Лады?

Андрей смотрел на человека, сидящего перед ним, с тихой ненавистью. Почему он, этот Леша, позволяет себе диктовать условия им, людям, которые своим трудом заработали деньги. Да, они попали в струю государственных неразберих и воспользовались моментом законодательных недоразумений. А кто этим не пользовался? Только ленивый.

И никто, кроме родного деда, не помогал Андрею в этой жизни.

В два года Андрей потерял родителей. Они, оставив маленького ребенка на няню, уехали в горы. И горы-то были не особо высокими и не сложными – Карпаты. Но случилась катастрофа, и оба в секунду погибли, попав под снежно-каменный обвал.

О родителях Андрей судил только по фотографиям. Отец – молодой мужчина – красовался на фоне гор в спортивном костюме, с тяжелым рюкзаком за спиной. Сам веселый, здоровый, счастливый. Мама – красавица с распущенными длинными волосами в цветастом ярком платье, была снята на набережной Москвы-реки всего за полгода до смерти. Она улыбалась в объектив, не догадываясь, какая участь постигнет ее и мужа.

Были еще фотографии, где родители стояли на перроне Казанского вокзала, а еще на фоне Киевского, Ленинградского и Савеловского.

Почему их так тянуло в горы, Андрей не понимал. Для

себя он решил, что если у него будет ребенок, то он ни за что не оставит его одного, не даст обстоятельствам доминировать над своей родительской любовью.

Тогда, давным-давно, он остался один в пустой квартире с женщиной, не пожелавшей взять на себя ответственность за чужого ребенка.

Дед Евгений Петрович, отец мамы, служил в дипломатическом корпусе в Индии.

Узнав о трагедии, он через месяц прилетел в Москву и застал двухлетнего внука в больнице, куда его устроила няня. Андрею грозило распределение в Дом малютки, для детского дома он был слишком мал.

Сколько Евгению Петровичу потребовалось нервов и денег, чтобы быстро оформить опеку над внуком, знал только он. Но еще через месяц Андрюша летел вместе с дедом в Дели, а затем в Калькутту.

Шесть лет в Индии для любого человека не могли пройти незаметно, хотя Андрей, как и большинство детей, нечасто выходил за территорию посольства. В Калькутте, в представительстве Советского Союза, огороженном белым цементным забором, шла своя особенная жизнь. Разговаривали на русском, но в школе несколько предметов вели на английском.

Женщины, оценив удобство сари, надевали официальные костюмы и кримпленовые плотные платья только по случаю прихода гостей, а дома ходили в полупрозрачных легких оде-

ниях. Конечно, накручивать на себя девять метров шелковой ткани никто не собирался, ограничивались четырьмя с половиной метрами хлопка и легкой кофточкой «чоли».

Между собой женщины перешептывались, что до колонизации англичанами индийские женщины, и так не отличающиеся в замужестве пуританством, кофточки чоли не носили, оставляли голой левую грудь, а подол юбки был гораздо короче.

В школе, в которую Андрей, за неимением детского сада, ходил с пяти лет, были особые уроки физкультуры. Первые десять минут дети старательно делали привычные упражнения европейской гимнастики, а затем смуглый преподаватель в чалме просил разобрать сложенные в углу половики и детишки принимали особые позы – асаны, приучаясь дышать правильно и стимулировать внутренние органы работать в самом удобном для организма режиме.

Учителя звали Абхи, и школьники тут же окрестили его «Апчхи». Узнав о том, что именно обозначает новое имя, учитель не обиделся.

– Хорошее имя – очищение органов дыхания. Мне нравится, – невозмутимо заметил Абхи, продолжив занятия. – Принимаем следующую асану.

Говорил Абхи со своими учениками на смеси хинди, английского и русского языков.

Со взрослыми учениками ему иногда было сложно общаться, зато дети понимали его сразу.

Половина людей, живущих в представительстве, вечером приходила в спортивный зал. Чтобы не смущать своих учеников, Абхи проводил занятия с женщинами и с мужчинами раздельно. В Индии девочек с момента появления месячных приучают к тому, что они обязаны доставлять мужу сексуальное удовольствие, а европейцы в плане секса люди дикие и на первых занятиях, при откровенных позах, часто краснели и смеялись друг над другом.

С Евгением Петровичем учитель йоги разговаривал чаще, чем с другими.

– У вас скромные женщины, закомплексованные. Одеваются сложно, слишком много одежды. А мужчины не всегда понимают важность асан. Вот асана «сосредоточение». При ней нужно замереть, и тогда мысли станут четче, а температура тела понизится на несколько градусов.

Обидевшись за русских, а вернее, тогда еще советских сотрудников, Евгений Петрович пригласил Абхи к себе домой и провел на кухню. Он попросил учителя засунуть руку в морозильную камеру.

– Вот при такой температуре мы живем три месяца в году. А жара у нас бывает очень редко.

Подержав с минуту смуглую худую руку в морозилке, Абхи молча сел на диван в гостиной, потер кожу.

– Странное для меня ощущение. Я знал, что у вас в России холодно, но не понимал, что настолько. Вам нужно внимательнее относиться к упражнениям, но не все из них по-

дойдут вам там, в ваших морозах.

После этого замечания Евгений Петрович проникся к Абхи еще большим уважением и попросил о дополнительных занятиях в своем доме для себя и внука. Учитель согласился.

– Вы мудрый человек, – в свою очередь сказал Абхи. – Я видел у вас на животе родимое пятно в виде паука, а это особый знак, отличающий достойного.

Калькутта в восьмидесятых годах – округ, где наиболее ярко пропагандировались коммунистические идеи, поэтому население к сотрудникам Советского посольства относилось замечательно. Дети, выходящие из поселка представительства, чувствовали себя защищенными.

Андрей привык к Калькутте. В этом старом и местами поразительно грязном городе сосуществовали две цивилизации – европейская, привнесенная англичанами, и древняя, индийская.

Даже семьи, живущие в картонных домиках на улицах рядом с многочисленными недорогими кафешками и домами европейцев, не вызывали отторжения. Ничего необычного в том, что люди не хотят или не могут жить далеко от места работы. Только пахло в таких домах-коробках отвратительно.

– А у нас они бы замерзли. У нас холодно, – сказал как-то Андрей своему учителю Абхи. – Мне дедушка рассказывал.

– Я понимаю, – согласился Абхи, потирая левую руку. – Помню.

В этот день Абхи предложил Евгению Петровичу и Ан-

дрео перейти к следующему этапу йоги – основам гипноза, внушения, создания иллюзии.

У дедушки не всегда хватало времени на занятия, зато Андрей занимался йогой не меньше двух часов ежедневно.

В первом классе Андрей иногда развлекался тем, что заставлял учительницу «не видеть» его самого или пропускать его фамилию в классном журнале, когда он не выучивал уроки. Это случалось крайне редко. Классы в представительстве были из трех-четырех учеников, и спрашивали их на каждом уроке.

Через шесть лет переезд в Москву стал для Андрея шоком. Выходить на улицу приходилось в пальто, на голову надевать жаркую шапку, возиться с носками и сапогами, о существовании которых он давно забыл.

Иногда Андрей даже в январе приходил на занятия, одетый лишь в легкую рубашку, но в спецшколе дипломатического корпуса над этим не смеялись. Многие дети сами приехали из африканских стран или из Англии, где климат значительно мягче нашего.

Проходили годы, и от Индии у Андрея остались фотографии представительства, портрет Абхи и ежедневные занятия йогой, на которых настаивал дедушка.

Друзья по школе – Гена и Сашка – увлечения Андрея йогой не разделяли. Генка родился в Греции, где в их доме зарядку делали редко, зато в каждый обед пили домашнее вино, а в выходные ходили по историческим раскопкам.

Сашкина семья приехала из островного государства Бали, и он ругался на местном диалекте и любил танцевать в юбке-паре. Ничему большему он к восьми годам не научился.

Советская спецшкола для детей сотрудников дипкорпуса – учреждение строгое. Через десять лет Андрей, Гена и Сашка стали похожими на всех остальных выпускников средних школ.

От большинства выпускников друзей отличала уверенность в том, что они благодаря родителям не разделят участи подростков, не знающих, куда пойти учиться дальше – в институт на инженера или в ПТУ на рабочего завода. Им была одна дорога – МГИМО.

Нагрянули сумасшедшие восьмидесятые года, которые очень быстро и ярко перетекли в девяностые. К тому времени трое друзей уже смогли «поймать волну» и наладить свой прибыльный бизнес.

Отец Александра, Виктор Павлович, уехал в Венгрию в качестве атташе по сельскохозяйственным делам. Приходилось заниматься многими проблемами, в том числе и поставками бумаги и целлюлозы из Сибири для обойной фабрики «Дунапак». Обои выпускались тридцати видов и в небольшой Венгрии особым спросом не пользовались.

Просчитав транспортные расходы и возможности советского рынка, где встали почти все фабрики и заводы, Виктор Павлович предложил сыну и его друзьям заняться обойным бизнесом.

Обои из Венгрии были красивыми, но дорогими.

Страна к концу девяностого года перестала быть Советским Союзом, но Россией еще не стала. Пятьдесят процентов сделок совершалось в режиме «бартер»: я тебе вагон тушенки, а ты мне два вагона цемента. На тушенку можно было обменивать все – от коньяка и золота до автомобиля и зачисления в институт.

Просчитав все возможные ходы, Андрей с ребятами не только продавали обои, но и обменивали их на товары, реализовать которые было выгодно в других регионах.

Но большинству населения требовались не предметы роскоши, а реальные недорогие вещи, в том числе и материалы для ремонта квартир.

Нужно было перейти на производство обоев, и обязательно недорогих. А где взять дешевую бумагу?

Интернет в девяностых годах в России не пестрел нужной информацией, и Андрею пришлось лично вылететь в Екатеринбург, а оттуда ехать на попутных машинах еще триста километров до города Туринска, где загибался целлюлозный заводик. Здесь же производили обои с рисунком, очень подходящим для военных казарм и мест лишения свободы, – серенькие мелкие цветочки на противном желтом фоне.

Не растерявшись от такой «красотищи» и прельстившись ценой, ребята поступили просто – Андрей отказался от узора совсем, а Гена нашел в Москве, в Северном Тушино фабричку с офсетной печатью и предложил свои варианты

рисунков.

Трех было вполне достаточно. Очень крупные бордовые розы в хрустальных вазах на салатовом фоне, герои мультфильмов – Винни-Пух, Пятачок и Ослик Иа между парящими воздушными шариками, и вариант «шотландка» – серо-зелено-красная клеточка. То есть были охвачены все слои населения.

Обои шли на ура на всех рынках Москвы и Подмосковья. Объем российского производства в десять раз перекрыл качественную продукцию Венгрии.

Сумки с наличными деньгами заносились в офис компании по несколько раз в день. Хлеб в то время стоил двести рублей, а цена за рулон обоев приближалась к пяти тысячам. Рубли перед обменом на доллары складывали в мешки изпод сахара.

И сам Андрей, и Гена с Сашей подозревали, что стабильно бешеный доход фирмы долго без внимания криминальных структур остаться не может, но все надеялись на русский «авось».

«Авось» не случился. Как раз перед пятилетней годовщиной свадьбы Гены и Ларисы в офис приехали те самые братки во главе с Лешей, пообещавшие трем друзьям много-много неприятностей, если те не захотят поделиться заработанными денежными средствами.

Беда была в том, что недавно Андрей купил дом на Рублевке, потратив почти все деньги. Сашка содержал любовни-

цу с ребенком, а Гена решил организовать роскошный юбилей на сто человек и отменять торжество не собирался, боясь гнева родителей и неудовольствия нужных родственников и знакомых с обеих сторон.

Проспорив весь вечер, ребята решили, что, поскольку у них нет лишних денег, терять им нечего. Гена и Александр уедут в Грецию, к отцу Гены, который сможет купить им на подставные имена две виллы, а Андрей, как человек свободный, потянет время, стараясь отвлечь внимание на себя. Свернув бизнес, он постарается вытянуть из него какие-то деньги.

Братки ждали два дня, затем без предупреждения снова нагрянули в офис фирмы. Там сидел только Андрей. Вчера он уволил всех многочисленных сотрудников, закрыл сделки и перевел деньги на подставные счета. Почти не спал, но успел вовремя.

– У нас кончилось терпение! – сердито сказал Леша, войдя в кабинет и плюхнувшись на диван. – Мы забираем сейфы у тебя из кабинета и из бухгалтерии. А ты посиди здесь, подумай.

Зная, что ни в одном, ни в другом сейфе денег нет, Андрей подождал, пока небольшой, но тяжелый металлический ящик вынесут из кабинета. Оставшийся для контроля один из вымогателей отвлекся, закуривая. Андрей положил в карманы плоские печати фирмы, ключи от машины и офиса, вскочил на подоконник и выпрыгнул из окна.

Второй этаж, зима, сугробы. Возле офиса располагался цветник. Именно на это Андрей и рассчитывал, попросив дворника почаще сгребать снег под окна офиса.

План сработал, и Андрею осталось только отряхнуться от снежной пыли и вскочить в припаркованную неподалеку машину.

А затем была та самая погоня, сопровождаемая стрельбой, и он теперь здесь, в морге. Живой только благодаря тому, что смог, как и учил его в детстве Абхи, задерживать дыхание и биение сердца, добиваясь эффекта «зомби», иначе браток Леша не постеснялся бы пристрелить его там, на снежной дороге.

В очередной раз Андрей мысленно поблагодарил деда за правильное воспитание. Евгений Петрович умер три года назад от инсульта. Ему было всего шестьдесят пять лет, и для человека, половину жизни прозанимавшегося йогой, смерть казалась странной.

После похорон единственного близкого человека Андрей сильно запил и на два месяца забросил занятия. Но за многие годы натренированное тело привыкло к физическим нагрузкам и требовало их возобновить.

И больше он не нарушал режим, по утрам принимая привычные асаны – от позы лотоса до семиминутного стояния на голове, со скрещенными над головой ногами.

ГЛАВА 2

Леночка, старшая дочь в многодетной семье, родилась и жила в Касимове – городе, расположенном под Рязанью. Двадцать тысяч населения. Из высотных домов – две семиэтажки, выше зданий нет. Город входит в «Золотое кольцо России», и для сохранения флера Средних веков российской глубинки девяносто процентов домов в городе небольшие и деревянные.

Братьев у Леночки было четверо. Разница в возрасте между нею и первым братом оказалась всего в два года, поэтому на девочку не легла тяжесть воспитания братьев.

Родив первого ребенка, когда обоим было по двадцать, Иван и Марья детьми особо не занимались, и Леночка росла «лопухом в огороде».

Внимания девочке оказывалось не очень много. Бытовые трудности по содержанию Лены взвалила на себя одинокая пятидесятилетняя соседка тетя Полина. Она ждала девочку после школы с готовым обедом, зашивала порванные колготки и одежду, пострадавшую после контактов с соседскими заборами.

А во дворе Леночкой занималась подружка Оля. Она учила ее играть в карты и «ножички», таскала воровать яблоки и овощи с чужих огородов. Зачем однокласснице нужны были соседские кабачки и яблоки, она бы и сама не сказала. Но

Леночка усердно подражала Ольге. Даже пыталась научиться курить, но подруга неожиданно решила избавиться от вредной привычки.

В четырнадцать лет Ольга серьезно объяснила Леночке:

– Учиться нужно хорошо, Ленка. У нас, девочек из неблагополучных семей, есть только два пути – либо на трассу, рабботать «плечевыми» и продавать свое молодое тело за копейки, либо получить хорошую профессию. Я, например, как и родители, стану врачом.

– А разве мы из неблагополучной семьи? – Ленка смотрела на подругу «коровьими» беззащитными глазами. – У нас в семье все братья *ка*ждый день накормленные... И одеты хорошо. Старшенький, который после меня родился, Кирюша, аккуратно одежду носит, не рвет по заборам, не засаливает, она братьям достается. Мамка с папкой почти на одежду не тратятся.

– От ить дурында! – Ольга сплюнула откушенную травинку. – Да тебе сравнивать не с чем! Другой жизни мы и не видели. А вот что по телевизору показывают? Модели десятками по подиуму ходят, красуются. И та-а-акие деньги за это получают! Ого-го-го! А нам с тобою нужно иметь профессию в руках. Поедем вместе в Москву!

– В Москву? Это же страшно.

Подруги сидели на берегу Оки, на песчаной отмели и срывали сладкие апрельские травинки.

Надкусив очередную из них, Ольга посмотрела на свое от-

ражение в воде. Она была не так высока и красива, как Леночка, зато имела нормальный характер и не позволяла помыкать собой. Сейчас она не советовалась с подругой, а диктовала дальнейшие действия на ближайшие годы.

По мере взросления Леночки ее мать стала читать ей небольшие лекции о том, как нужно правильно жить. Обычно учила она дочку, улегшись на диван и включив телевизор.

– Тебя можно как корову за веревочку водить. Ты же безотказная и совсем о себе не думаешь. Не дай бог какой-нибудь ухарь затащит тебя, дуру сисястую, в темный подъезд, а мне потом выблядка твоего воспитывать. Я твоему отцу до свадьбы не дала, сама терпела и ему велела. Чего ты на меня уставишься? Иди, вари борщ, скоро отец с братьями с рыбалки придет, а я пока отдохну, все жилы вы из меня вытянули.

Глядя на мать, Леночка робко думала, что Ольга уже второй год живет с парнями и мужиками, но не рождает и чувствует себя свободной и довольной. А мама работает нянечкой в детском саду на полторы ставки из-за них, из-за детей. Очень устает, рано постарела. Отец третий год уже не бригадир, а прораб, но денег не хватает катастрофически, и мама каждый день притаскивает продукты с работы.

Это обычная практика всех сотрудников детского сада. Нет, они не собирают обеды по столам: просто не заявляют, когда в группе отсутствует несколько человек. Пребывание ребенка и его питание оплачено за месяц вперед, чего суетиться по мелочам?

По выходным для семьи все-таки приходилось готовить, и эту функцию Мария полностью возложила на Леночку – пусть девочка привыкает к семейным обязанностям. Единственно чего избегала мама, так это отправлять дочку в магазин. Местные алкаши, зная о мягком характере Леночки, часто просили у нее «на опохмел», и она не могла отказать. А потом отец шел разбираться и требовать деньги обратно. Спокойно Иван разговаривать не умел, лез в драку, после которой мирился с мужиками и уходил в двухдневный запой.

В семнадцать лет Ольга и Леночка закончили школу и поехали в Москву, в этот Содом и Гоморру советской действительности.

Как и намечала Ольга, обе подали документы в медицинский институт.

Столица подруг удивила и обворожила. Непривычное чувство свободы сыграло с ними нехорошую шутку. Ольга, понимая, что на улице и в общежитии никто ни за кем не наблюдает, пустилась во все тяжкие, меняя мужчин по принципу – кто выгоднее. За месяц успела многое.

У Леночки ситуация сложилась по-другому. Она действительно была очень хороша собой: стройная, пышногрудая и беззащитная. С первого взгляд было понятно, что с нею можно делать что угодно и она никому не станет жаловаться. То, что она до семнадцати лет оставалась девственницей, было заслугой Ольги, вовремя вытаскивающей подругу из стремных компаний, а еще отца Леночки, который предупредил

«на районе», что, если кто раньше времени тронет его дочь, станет инвалидом без первичных половых признаков. Зная характер Ивана и помня о подрастающих в семье четырех братьях, никто с Леночкой связываться не хотел.

Иное дело в Москве.

Профессор института Семен Аркадьевич Нирберг, правильно оценив характер и особенно внешние данные абитуриентки, решил, что ему пора сменить в доме молоденькую экономку, по совместительству любовницу.

На вступительном экзамене по биологии Леночка отвечала не очень уверенно, не хватало знаний и апломба, но именно это понравилось Семену Аркадьевичу. Он четко знал, кого должен завалить, а кого поддержать на экзамене, и имел за собой зарезервированное «место в списке поступивших». В этом году он решил не брать много денег на вступительных экзаменах, а протащить в институт именно Леночку.

Преподаватели приемной комиссии недоумевали: девушка отвечала не более чем на три балла, но Нирберг показывал пять пальцев, настаивая на высокой оценке.

Ольга поступила самостоятельно. Не зря она последние три года в школе плотно сидела за учебниками и бегала к родителям в больницу, где те работали хирургами.

Ольга давно уже знала, что станет хирургом. Обучение в медицинском институте быстро сделалось для нее естественным и привычным, но для Леночки оно стало шоком.

Для нее, не привыкшей к крови и тому, как цинично ме-

дики относятся к человеческому телу, к боли, к страданиям больных, первый и второй курс института оказались серьезным испытанием.

Байки о том, как студенты в анатомическом театре смеются над тем, что было изъято из человеческого тела во время операций, оказались правдой. Наверное, каждому медику нужно переступить через природную брезгливость и боязнь развернутого изнутри человеческого тела... Не сумев перестроиться, Леночка выбрала профессию терапевта.

Тот факт, что Леночка не только без проблем поступила в институт, но и не стала жить с Ольгой в общежитии, а отправилась на квартиру старого ловеласа Семена Нирберга, взбесил подругу.

Профессор был мечтой любой провинциалки: метр восемьдесят два, пятьдесят лет, хороший доход, прекрасная квартира и даже домработница. Тетя Дуся, как и большинство «домашних» людей, через двадцать лет служения воспринимала профессора как родственника и спокойно относилась к смене любовниц своего хозяина.

Бывая в доме Нирберга, Ольга старалась обратить на себя внимание профессора. Помогала готовить шестидесятилетней Дусе, оставалась на ночь и вертелась утром перед мужчиной в длинной футболке, не скрывающей полноватых бедер.

Зная о всех ухищрениях студенток, Нирберг подсмеивался над Ольгой, но ставил отличные оценки по гистологии,

понимая, что врач из нее со временем получится хороший.

А вот домработница Дуся, которую Леночка, одна из немногих, звала тетей Евдокией, к Ольге относилась с неприязнью:

– Зараза она похотливая. Ты, Ленка, ее не слушай, ничего хорошего она тебе не посоветует. Зависть ее гл^ыжет. Смотри, доведет тебя до беды.

Праздник Восьмое марта решили отметить в общежитии. Леночка с трудом отпросилась у Семена «гульнуть». Он, начавший привыкать к присутствию в своей квартире тихой девушки, решил, что она сможет скрасить его приближающуюся старость.

Ему нужен рядом верный человек. Он еще молод, ему всего пятьдесят два, и детей у него не может быть, по дури сделал себе стерилизацию в тридцать пять лет, а менять студентов каждые два-три года он уже устал.

– Иди, развлекайся, – разрешил он Леночке. – Но смотри, в конце второго курса студенты и особенно студентки испытывают перелом в своем отношении к профессии. Я, как и другие преподаватели, много раз сталкивался с этой проблемой. Будь осторожней.

– Не блядуй и много не пей, – добавила свое веское слово Дуся и перекрестила девушку.

Желающих повеселиться набралось десять человек. Разместиться в комнате общежития не было возможности, и студенты отправились в лабораторию при анатомичке. С де-

журным врачом договорились легко. Ольга выставила ему литр водки и себя.

Антураж анатомички, железные столы и белая холодная мебель, производил жутковатое впечатление.

Но после того как сдвинули в сторону банки с химикатами, автоклавы и пробирки, а на свободном пространстве сервировали стол с закусками, настроение студентов улучшилось. Трое парней принесли чистый медицинский спирт, соленые огурцы в пакетике и кусок ливерной колбасы или сардельки, как они говорили – для поддержания классического медицинского антуража, но остальные подозревали, что из экономии и желания надраться на халяву. Цветы достались двоим из пяти девочек. Одну хризантему презентовали Ольге за подмогу на зачете, а букет из трех гвоздик вручили Леночке, все-таки любовница профессора, а гистология – предмет важный.

Вернувшись из ординаторской после отработки аренды помещения, Ольга взяла бутерброд с колбасой, села между однокурсниками и недовольно покачала головой.

– Мельчает российский мужик. Сорока еще нет, а уже импотент.

Бывший Ольгин приятель, Серега, хлопнул ее по коленке.
– Нет, Оля, дело не в Евгении Павловиче, которого ты ходила совращать, а в тебе. Резкая ты, сразу в штаны лезешь, а в сексе, особенно после тяжелого рабочего дня, важна ласка. Вот посмотри на Леночку, на то, как наши ребята на нее об-

лизываются. Если бы не Семен Аркадьевич, который ее посет, я бы и сам...

Рассевшиеся на подоконнике, на столах и даже на кафельном полу студенты притомились пить за Восьмое марта, за девушек и принялись травить анекдоты.

Опьянев до состояния, при котором уже сложно говорить, Леночка слушала всех с широко открытыми глазами, вовремя хихикала и искренно радовалась тому, что оказалась в компании молодых ребят, а не с друзьями и коллегами Семена.

Ольга наблюдала за подругой с неприязнью, растущей с каждой минутой.

Выждав еще полчаса, Ольга пересела ближе к Леночке и, отодвинув в сторону Серегу и тощенькую брюнетку Катю, обняла девушку за плечи.

– Давно мы с тобой не шушукались, Леночка. А скажи мне честно, какой Семен Аркадьевич в постели? Нормально у него работает, удовлетворяет?

– Нормально, – Леночка стеснительно улыбнулась. – Такого, чего по телику видела, у нас почти не бывает... но мне и сравнивать не с чем. Ты ж знаешь, Оля, Семен у меня первый. В Касимове мне отец ноги бы оторвал.

– Э-э-х! – Ольга демонстративно сняла руку с плеча подруги. – От ить как была дурындой, так и осталась. А знаешь, с кем лучше всего трахаться? – Расширив глаза, Ольга заговорила взволнованно, с придыханием. – С только что

помершим мужиком! У него член стоит, а еще он тебе часть души передает!

В глазах Ольги сверкал восторг от своей выдумки. Лена смотрела на нее с недоверием.

– Да ладно, Ольга, с покойником – это уже перебор.

Нащупав на столе стаканы и бутылку, Ольга набулькала граммов по сто и протянула Леночке стакан.

– А пойдем, проверим. Ты до сих пор покойников боишься, а это для медиков неправильно. Пойдем, найдем себе симпатягу.

– Я боюсь, – прошептала Леночка.

– Пора заканчивать с этим, не маленькая уже.

В один глоток выпив водку, Ольга взяла подругу за руку и потянула за собой. И Леночка, привыкнув подчиняться, поплелась за нею.

– Куда ты ее тащишь, шалава? – лениво поинтересовалась Катя, прикорнувшая к плечу Сергея. – Опять будешь трупками Ленку пугать?

– Нет, иду приучать Ленку к работе в морге. А то она все занятия прогуливает, а Семен Аркадьевич ее прикрывает.

Проходя по полутемному коридору, Леночка пошатывалась от страха и от дозы шампанского, «отлакированного» водкой.

Отперев двери морга, Ольга нащупала на стене выключатель и окинула взглядом помещение.

– Черт, всех в холодильник поклали. А холодных я не

люблю. – Сделав серьезное лицо, Ольга внимательнее оглядела морг. – Хотя, если там, на каталке мужик, будем пользоваться.

– Может не надо, Оля?

– А чего такого?! – делано удивилась подруга. – Я вот после нашего доктора совсем не удовлетворенная. На кого мне лезть, на Серегу? Так он уже к Катьке намылился.

Подойдя к каталке, Ольга откинула простыню.

– Симпатичный и особо не покоцанный. Смотри, как хрен стоит, огурчик!

– Как живой, – прошептала Леночка. – Мне сейчас плохо будет.

– Деревенская ты дурында. Учись, как это делается.

Быстро сняв с себя джинсы и трусики, Ольга легко забралась на каталку и оседлала тело мужчины. Чтобы достичь оргазма, ей потребовалось всего несколько минут.

Соскочив с каталки, она подтолкнула Леночку.

– Давай залезай, я тебя подстрахую.

Почти в обмороке, Леночка послушно уселась поверх мужчины и с удивлением почувствовала крепость и теплоту мужского органа.

– Наверное, Ольга нагрела, – вяло подумала она.

И тут случилось то, чего девушки не ожидали. «Покойничек» приподнялся и обхватил руками талию Леночки. Пока Леночка падала в обморок, а Ольга визжала от ужаса, мужчина аккуратно положил Леночку на каталку, спустился, об-

мотал бедра простынею и вышел из морга.

ГЛАВА 3

От холода тело каменело, но внутренние органы работали безотказно. Андрея начало трясти. Он еще раз прислушался к себе. Если сосредоточиться, то можно попробовать сначала сесть, а затем спустить ноги на пол.

Нащупав руками скользкий металл каталки, Андрей напрягся, чтобы приподняться, и в этот момент услышал голоса, доносящиеся из коридора. «Может, не надо?» – скулил один из них. «А чего такого?!» – уверенно отвечал второй.

Послышался лязг ключей, зажегся свет. Девушки пьяно переговаривались. Оцепенение еще не проходило, и Андрей, собрав, как его учил Адхи, всю силу, хотел было уже позвать на помощь, но события развернулись совершенно неожиданно. С него сдернули простыню.

– Симпатичный и особо не покоцанный. – Голос девушки был пьяный и грубый. – Смотри, как хрен стоит, огурчик!

– Как живой, – прошептала другая девица. – Мне сейчас плохо будет.

Не слушая больше девушек, Андрей решил немного подождать.

То, что на него взобралась девушка, оказалось для Андрея неожиданностью. Ее ритмичные движения стали его согревать, понемногу пробуждая тело. Приоткрыв глаза, Андрей увидел лицо молоденькой, весьма увлеченной происхо-

дящим девицы. Она не понравилась ему, но природа брала свое, прервать процесс стало невозможным.

Через три минуты, когда девица плотно сжала ногами его бедра, а после вздрогнула, Андрей немного разочаровался. Для окончательного «пробуждения» ему не хватило полминуты. Еще бы немного...

И тут на него уселась вторая девица. Эта была чуть симпатичнее, но тоже слишком пьяная. Эта сидела не двигаясь, с ужасом уставившись на него. Поняв, что он смотрит, забыв прикрыть глаза, Андрей решил доиграть свою роль. Он привстал, обхватил талию девушки, чтобы ему было удобнее, и бурно, с наслаждением кончил.

Закатив глаза, девушка оседала в его руках. Вторая визжала и топала ногами.

Уложив сомлевшую девицу на каталку, Андрей сдернул простыню и обмотал ею бедра.

Девица продолжала визжать, а Андрей, глядя на нее, думал о том, что же ему теперь делать.

Вообще-то в морге было, мягко говоря, прохладно. Пожившись, Андрей огляделся. Делать ему здесь было нечего. Он вышел из помещения и прошел по коридору, никого не боясь. Волосы на голове стягивала кровавая корка.

После секса организм стал функционировать в полную силу, мозг заработал еще четче.

«Куда могли деть мою одежду? Вряд ли ее успели кому-нибудь отдать, за нею некому прийти, ребята в Греции,

а родственников у меня нет. Значит, она где-то здесь. Как же называется то помещение, где хранят одежду? Гардероб? Нет. Бельевая? Нет. А! Камера хранения...

На второй по счету двери в коридоре висела табличка «камера хранения».

Но как открыть дверь? Выбить не получится, она отворилась наружу, а замок разворотить нечем.

Между нижним краем двери и полом был зазор в пять сантиметров.

Нагнувшись, Андрей просунул в щель пальцы, напрягся. На то, чтобы расшатать дряхлую дверь и снять ее с петель, потребовалось несколько минут.

Свои вещи нашел быстро. Пиджак оказался залит сзади кровью, но на темном материале было не очень заметно. Переодевшись, Андрей нащупал в кармане брюк ключи от квартиры и офиса. Интересно, почему их не вынули? Посчитали, что авария была не криминальной, или еще руки не дошли? В любом случае ему повезло.

Куда теперь? В квартире наверняка до сих пор сидят братки. Ищут деньги, обворовывают, а там есть что взять, или допивают спиртное из бара. Оставался офис. Вряд ли кто остался в разграбленном офисе. А у него там второй комплект документов и две пластиковые карты, спрятанные на случай пожара в туалете под кафелем.

– Я за сигаретами. В отделении у всех закончились, – сказал Андрей на пропускном пункте и сосредоточился, внося

охраннику, что с ним все в порядке.

Отвлекаясь от телевизора, дежурный равнодушно оглядел выходящего мужчину. Высокий, здоровый, в костюме, а не дубленке, что нормально для врача. А то, что у него на голове и на рубашке засохшая кровь, он этого не видел.

Отвернувшись к телевизору, охранник тут же забыл о мужчине. У Андрея от напряжения закололо в висках.

Зря он надеялся, что в три часа ночи в офисе никого не будет.

Два старательных мужичка деловито вытаскивали на улицу его стол.

«Вот они, мои наличные деньги», – улыбнулся Андрей.

– Пламенный вам, коллеги. Все растащили или мне что-нибудь осталось? – ехидно поинтересовался он.

При виде погибшего вчера миллионера, с головой, перемазанной кровью, да еще и улыбающегося, оба «коллеги» уронили стол.

Поморщившись от грохота, Андрей заулыбался еще шире.

– Пройдемте, господа. У меня есть к вам деловое предложение. А насчет моего внешнего вида – не беспокойтесь. Маскировка. Стол-то подвиньте, а то пройти невозможно.

Отодвинув стол, «коллеги» подождали, пока пройдет Андрей, и протиснулись вслед за ним.

– Кабинет Гены и Саши еще не растащили? – Андрей на ходу обернулся. Мужички отрицательно завертели голова-

ми. – Отлично. Туда и пройдем.

В кабинете друзей не хватало картин на стенах, двух кресел и компьютеров. Небольшой телевизор стоял на полу в углу, работал.

«Коллеги» смотрели на Андрея, не зная, на что решиться – выслушать его или напасть. Их помещения находились в здании этажом выше и занимали площадь в два раза меньше. Фирмы между собой не ладили. Вернее, верхний этаж завидовал, нижний фирмочку сверху часто просто не замечал.

– Мужики, – уверенно начал Андрей, садясь на стул, стоящий в центре кабинета, – делаю очень выгодное предложение, от которого вы не можете отказаться. Вот этот офис, – «покойничек» показал пальцем в пол, – проплачен до конца года. У вас есть возможность получить его за копейки вместе с мебелью. Деньги мне нужны сейчас же, наличными. Передачу имущества и аренды я вам оформлю задним числом. Недельная давность вас устроит?

Спрашивать – выгодно или не выгодно, в подобных случаях нельзя. А вдруг люди задумаются? На сомнения могут уйти часы, но времени у Андрея не было.

– Слышь, Андрей, – первым заговорил «коллега» помладше, – а что здесь вчера было?

– Инсценировка моей гибели. Банкротить фирму невыгодно, и мы с ребятами решили закончить все разом. Переборщили немного, забыли про офис. Короче, чем быстрее принесете бабки, тем меньше будет сумма. А я пока бумаги

оформлю.

Он достал из кармана штамп и печать.

– В долларах возьмешь? – оживился младший мужичонка.

– А то! Есть здесь хоть один компьютер?

– Ага, – подал голос второй. – В твоём кабинете, мы его после стола решили вытащить. А что у тебя на голове? Кровь настоящая?

– Нет. На «Мосфильме» одолжил.

Пока притаскивали компьютер, подсоединяли принтер, набирали текст, Андрей посматривал на экран телевизора. Чего он ждал, он точно не знал, но предчувствие было нехорошим.

Через час, когда он вымыл голову, подписал документы и переоделся во все чистое, по московской программе передали, что был ограблен дом известного предпринимателя, в прошлом атташе в Венгрии по сельскому хозяйству, Потапенко Виктора Павловича. Господин Потапенко в момент ограбления находился в квартире, подвергся нападению и умер от инфаркта.

Зная, что Виктор Павлович, отец Саши, никогда не жаловался на сердце, Андрей окончательно осознал, насколько вовремя он сам «умер».

В восемь утра Андрей летел в заснеженный мартовский Петербург, а через сутки его встречал теплый и цветущий Крит.

ГЛАВА 4

Визг прекратился, и Лена открыла глаза. Справа белела крашеная стена, слева стояла Ольга и смотрела на подругу очумевшими глазами.

– Он ушел. Встал и ушел! – хриплым шепотом пояснила она.

– Кто? – не поняла Лена.

– Мужик, которого мы изнасиловали. Чего ты на каталке лежишь? Простудишься.

Неуклюже соскочив с каталки и ударившись коленом о кафед, Лена села на пол.

– Мне не приснилось?

Посмотрев друг на друга, подружки поняли, что ничего им не приснилось и, между прочим, они совершенно трезвые.

В морг вошли Серега и Петр.

– Девки, вы ошалели? Разорались на всю больницу. У нас там Катька водкой поперхнулась, и Борька проснулся. Чего вы тут увидели, ожившего покойника?

– Вот именно, – тихо сказала Лена.

– Водка! – решительно заявила Ольга. – Пойдемте, ребята, отсюда, надоела мне мертвецкая экзотика.

В лаборатории Ольга, ничего не объясняя, налила в два стакана по сто граммов и протянула один из них подруге:

– За наш талант, Ленка, оживлять трупы.

– Допились, – скептически пробормотал Бориска, проспавший все веселье.

– Мне плохо, – пожаловалась Лена и, зажав рот, побрела в сторону туалета.

Из лаборантской слышался голос Ольги.

– Мы действительно оживили мужика. Я начала, а Ленка закончила. Пошли мы, как и все на первых курсах, смотреть, бывает ли «стояк» у мужчин в активном возрасте. А что такого, это важно для профессии. Тут сантименты ни к чему. От вы дурные, чего ржете?..

В профессорскую квартиру, Лена вошла в три часа ночи. В такси ее сажала Ольга. Хотела довести до самого профессора, но подруга неожиданно заупрямилась.

– Нет, Оля. Семен Аркадьевич и так разозлится из-за того, что я пришла так поздно, а тут еще ты.

– Поняла, – как-то уж очень спокойно согласилась Ольга, – до встречи, Леночка.

Вылив в ванную половину флакона пены и полежав в горячей воде, Лена все равно чувствовала себя грязной. Взяв жесткую мочалку, она долго и с остервенением стирала с себя то, что произошло в морге.

Дома скандала не случилось, Семен Аркадьевич сам вернулся только в семь утра. В комнату к Елене не заходил и днем о вечеринке не расспрашивал, всю субботу страдал от похмельного синдрома и занимался делами института.

Воскресение прошло в привычно спокойном режиме – зарядка, плотный обед, приготовленный Дусей, просмотр нового фильма на CD и легкий ужин, сделанный самим профессором.

Зато в институте было весело.

Институт и больница гудели от сплетен.

Байка звучала так.

Продвинутые ребята со второго курса решили подколоть девчонок в Международный бабский день. Для этого договорились насчет морга, украсили его шариками и цветами. Заранее скинулись баблом и накрыли студенткам шикарный стол. Шампанское, вино, дорогая водка, мясная и рыбная нарезки, вяленая колбаса, другие деликатесы.

После трех рюмок объявили, что у них есть главный сюрприз – в углу стоит каталка, а на ней лежит нанятый стриптизер. И с ним можно делать что угодно, он будет изображать труп.

Там действительно оказался очень фигуристый и красивый мужик, с автоаварии привезли.

Девчонки сначала просто так к каталке бегали, щекотали, за разные места дергали, а потом взяли да по очереди его изнасиловали. И даже не очень испугались, когда он ожил. Зато перепугались ребята. Они-то знали, что там лежал настоящий трупак.

А теперь всем грозит подсудное дело – некрофилия.

В очередную «Байку из морга» мало кто поверил, но до-

шел слухок, что из прозекторской действительно исчезло тело. Еще была взломана камера хранения и пропали какие-то вещи.

Но что случилось на самом деле, никто точно не знал. Серега рассказывал весело, ссылаясь на Ольгу и Леночку, а те при расспросах бледнели, Ольга так вообще крестилась. Хотя через два дня повышенного внимания она по секрету призналась, что действительно оживила труп, но боится об этом рассказать.

Ожидали расследования, но следователи студентов не спрашивали.

В печати появилось несколько небольших заметок о странном происшествии в морге, а в одном медицинском журнале всерьез обсуждался феномен реабилитации людей, погибших или впавших в кому при несчастных случаях.

Так, при ударе молнией, пострадавшего закапывают в землю по пояс или по шею, в зависимости от повреждения. И самый яркий случай, имеющий отношение к казусу в морге, – когда замерзших в холодных водах моряков отогревают поварихи, фельдшерицы или иной женский персонал с помощью секса, причем именно в позе «наездницы». То же самое всегда практиковалось и практикуется у народов Севера, если человек замерзает.

С женщинами трудно определить, в какой стадии комы они находятся, а у мужчин их «центральный орган» может реагировать до последнего момента.

Три с половиной месяца до сессии прошли для Леночки в том же размеренном режиме, что и последние два года. С утра до вечера – занятия в институте. Редкие встречи с однокурсницами в кафе или пивнущке. Вечером – почти семейный обед с Семеном Аркадьевичем и Дусей. Два раза в неделю – секс по заранее обговоренным правилам. На ночь ароматная ванна или легкий душ и сон под работающий телевизор, который отключался автоматически.

Разговоры в институте Леночка слушала с болезненным интересом, но скоро они сменились на другие новости – из-за студента развелась преподаватель английского, за взятки привлекли к следствию ректора параллельного факультета, со следующего года студентам увеличат стипендию.

Молодость, безусловно, обладает волшебным свойством быстро отбрасывать все негативные впечатления, и девушке удалось забыть происшедшее.

Сессию Леночка и Ольга сдали досрочно и отправились домой на каникулы.

Ольга старалась ездить к родителям как можно чаще, благо до Касимова было всего пять часов на автобусе. Но Лена готовилась увидеть семью впервые за два года. Она была терпелива и непритязательна, но ее детские и подростковые воспоминания не отличались счастливыми и радостными моментами.

Двое старших братьев Лены встретили девушек на остановке, подхватили сумки с вещами. У Ольги она была одна,

у Леночки – три.

В первый момент, увидев сестру, братья оробели. Она утратила свой виноватый взгляд и перестала выглядеть забитой. Дорогая одежда и объемные сумки намекали на подарки, и хамить сестре, как было раньше, не хотелось.

Дома Леночку встретили остальные братья, суровый, подвыпивший отец и растолстевшая мать.

– Как сдала сессию? – первым делом спросил отец.

– Я отличница, – сонно ответила Леночка. – Здравствуй, мама.

Девушка поцеловала мать, и та, отвыкшая от ласки, чуть не прослезилась.

– Кушать будешь? – засуетилась Мария. – Я тебе курочку по-быстрому разогрею.

– Поздно уже, – как отрезал, заявил Иван.

– Да, – согласилась Леночка, – поздно. Я после восьми вечера не ем. – Она повернулась к сумкам. – Вон та, поменьше, моя сумка, в двух других для вас подарки. Для тебя мама, сковородка, о которой ты мечтала, и две блузки. Для мальчишек джинсы и футболки, а тебе, папа, я купила новый магнитофон, а то твой шипит.

И мужчины, несмотря на позднее время, тут же ринулись разбирать сумки. Мать и дочь стояли в сторонке, наблюдали за «хозяинами».

Две недели Леночка и Ольга ходили в гости к школьным знакомым, в кино и кафе, которые здесь были в четыре ра-

за дешевле. Заглянули даже в краеведческий музей – приколотся.

А потом, совершенно неожиданно для Леночки, Ольга, как-то по-особому поглядывая на нее, объявила, что едет в Москву. Ей предложили новую подработку, и она не может упустить этот шанс.

Скандал разразился в воскресенье, когда Леночка, по заведенному распорядку, готовила обед. Она переставляла восьмилитровую кастрюлю с плиты на подоконник, и внизу живота как-то неприятно потянуло. Кастрюлю она поставила быстро и неловко, так что немного расплескался огненный борщ, и приложила ладони к животу.

– Я так и думала. – Мать, потягивающая пиво и чистящая чеснок, довольно отставила бокал. – Ты беременна. Откуда у тебя дорогие тряпки и деньги на поездку домой? Мы тебе не высылали. Нагуляла, шлюшка институтская.

– Не может быть, – испугалась Леночка.

– Ну как же не может? – Мария взяла следующую головку чеснока. – Грудь у тебя значительно увеличилась, и жопа здоровая. Живот образовался. Когда у тебя были месячные?

– Месячные? Давно.

Растерянный взгляд дочери окончательно укрепил Марию в ее подозрениях.

И, может быть, все бы обошлось, но в этот момент с рыбалки приехали отец и братья.

– Ваня! – Мария встала из-за стола. – Ты только не ори. У

нас несчастье. Ленка дитя нагуляла, а у нас младшему всего десять лет, и я опять на сносях.

– Блядь! – Отец с ходу влепил дочери пощечину. – Предупреждал же: до свадьбы никаких гулянок! Братьев бы постеснялась! Вон из дома!

За три недели Леночка сто раз хотела вернуться в Москву, но в профессорском доме жизнь была тоже не сахар: постоянный контроль, хуже, в чем в родительском. Утомительный, неприятный секс. Скучные, заумные знакомые Семена Аркадьевича. Многочасовые занятия и зубрежка по профессии, которую она еще не успела полюбить.

Но теперь все решили за нее, и это, как всегда, устроило Леночку.

Молча она сняла фартук, повесила на пластмассовый крючок, прошла в их с матерью комнату, взяла сумку, переделась в босоножки и ушла из дома.

Наблюдая за дочерью из окна, Мария обернулась к мужу.

– Чего ты ее так, сразу... Может, она еще замуж выйдет.

– А ну ее, – Иван отмахнулся от жены. – Чужая она какая-то стала. Ходит по-другому, разговаривает грамотно, разбогатела. Чужая.

В Москву Леночка приехала в воскресенье. Своих ключей у нее не было, и она позвонила в профессорскую дверь.

Открыла ей не Дуся, а Ольга.

– Пронюхала, что я здесь? – сказала та неприязненно. – Ну, проходи.

Они сидели на кухне, за большим дубовым столом, обедали. Семен посматривал на прежнюю любовницу с сожалением, Евдокия с явным сочувствием, Ольга со скрытым торжеством. Уставшая от долгой дороги Леночка, почти засыпая, ковыряла вилкой в тарелке и покачивала ногой.

– Перестань, пожалуйста, – профессор отпил белого вина, – ты же знаешь, Лена, я не выношу плебейских привычек. Так ты скоро начнешь пить чай вприкуску и причмокивая. Ой, да о чем я... Поздно уже.

– Да, да, дорогой ты прав, – девушка опустила глаза в тарелку и вдруг решила. – У меня для тебя есть новость. Я беременна.

Профессор побледнел.

– Я уже в курсе. Ты хочешь мне что-то сказать?

– Это твой ребенок, – неуверенно пробормотала Алена. – Я тебе не изменяла.

– Дорогая, мы прожили с тобой два года и ты ни разу не забеременела. Так? – Лена согласно кивнула. – Я бесплоден, так что мое отцовство исключается. – Голос профессора стал напряженным. – Ты догадываешься, от кого ребенок?

Закружилась голова, и Леночка положила руки на стол, чтобы не упасть.

– Господи, за что мне это? – прошептала она и посмотрела на домработницу.

Вздохнув, Евдокия перекрестилась.

– Грех уж больно срамной. Как же тебя угораздило?

Кивнув на Ольгу, Леночка взяла бокал с вином, жадно выпила половину.

– Подружка присоветовала и даже на каталочку помогла залезть.

– Чо? – возмутилась Ольга. – Я пошутила, а ты поверила. Я до него даже не дотронулась, видимость делала.

– Понятно. – Опустив голову, Леночка смотрела на тарелку с недоеденным салатом. – Хорошо, я перееду в общежитие. Аборт сделаю, мне ребенок не нужен. Буду, как Оля, жить рядом с институтом.

– Правильно Ольга говорит, ты абсолютная дура, – профессор отвернулся от бывшей любовницы и смотрел в окно, чтобы не видеть красивого лица и телячьего беззащитного взгляда.

– Ты погоди расстраиваться, – быстро заговорила домработница, – Аркадич, он умный, он придумает...

– Не встречай, Дуся! – Нирберг вытер салфеткой рот. – Да, Леночка, есть идея, которая может тебя спасти. По нашим... – он быстро взглянул на Ольгу. – По моим подсчетам, срок у тебя уже большой. Аборт можно делать только криминальный, а денег на него тебе никто не даст... Все-таки какая ты безалаберная, вечно за тебя нужно думать.

Лицо Нирберга исказило не то сочувствие к Леночке, не то недовольство от потери любимой игрушки.

Евдокия откровенно всхлипывала, настраиваясь на худшее. Ольга пила вино.

Леночка сидела безучастно, ждала, что же теперь будет.

– Тебе повезло, Леночка. Реанимационные работы в нестандартных ситуациях при наступлении комы – тема научной работы моего друга. Он, кстати, когда прошли слухи о ваших м-м-м... приключениях в море, даже опубликовал пару дельных статей. Хотя он, несомненно, человек увлекающийся и позволил себе несколько некорректных примеров. Да, о чем это я?

– О Петре Яковлевиче, – сердито напомнила Ольга.

– Да! Леночка, ты мне все-таки человек не чужой... была. И случай с тобой произошел уникальный. Короче, мы с Петром Яковлевичем Радужным решили сложиться деньгами и провести этот опыт... Будем наблюдать тебя, исследовать. После опубликуем совместную работу. И не одну.

– Я стану подопытной крыской?! – Девушка, не сдерживаясь, зарыдала. – Но я не хочу ребенка! Он мне не нужен! Я даже не поняла, от кого он!

– Преступная халатность, – нравоучительно заявил Нирберг, – я себе такого никогда не позволял.

На его заявление все три женщины промолчали, зная, что за свою профессорскую карьеру Семен Аркадьевич смог убедить «быть с ним ближе и ласковее» не один десяток студентов.

– Ты здесь, конечно же, не останешься, – продолжил Нирберг, – оформляем академический отпуск, и едешь в Химки. Мы тебе там присмотрели квартиру. Скромную, но чи-

стенскую.

— А с кем вы ее присмотрели? — Лена стала успокаиваться и с интересом посмотрела на бывшего любовника.

— С-с-с... — Семен Аркадьевич посмотрел на уверенное лицо Ольги. — С Петром Яковлевичем, конечно.

— Спасибо, — искренно поблагодарила Леночка.

Если бы она в этот момент взглянула на Евдокию, то прочла бы по ее губам: «Действительно дура».

Химки — район большой. Одной стороной он примыкает ко МКАДу, другой уводит в сторону Московской области и скоро соединится с Зеленоградом. Немного осталось, километров десять.

В самом окончании Химок, перед лесами Зеленограда, Леночке сняли квартиру в хрущевском доме. Однокомнатная, двадцатиметровая, с окнами на помойку. Домашнего телефона не было, мусоропровод отсутствовал, бачок в туалете треснутый, ванная с ободранной эмалью. Зато свобода! Ее девушка оценила не сразу, не привыкла.

Меж тем ее жизнь постепенно налаживалась. Говорят, что чем труднее достался ребенок, тем его больше любишь. Леночке беременность не приносила никаких неприятностей. Не было ни токсикоза, ни головокружений, аллергий ни на какие продукты.

Раз в две недели она оправлялась не в районную женскую консультацию, а в пирасетальный центр, где сдавала анализы всего, чего можно, проходила УЗИ, в том числе и в 3Д-

формате.

Из сокурсников к ней приезжали Серега с Катей. Вроде бы сочувствовали, но больше всего их привлекал борщ, приготовленный самой Леночкой, и блинчики с печенью, привозимые Евдокией.

Тетя Дуся ездила к любимице нелегально, Семен Аркадьевич этого не поощрял. Хотя Леночка пару раз замечала в Центре его фигуру за стеклянными дверями. Будь она побовитее, может, он бы простил ее, но в доме профессора безраздельно главенствовала Ольга.

В очередной приезд Евдокия выставила на кухонный стол банки с едой и села на табурет.

– Силов моих больше нету, Аленушка, заела меня твоя подружка. Обычно полюбовницы Аркадьича начинали наглеть только на второй год, а эта на второй месяц. Ой, наплачется с нею Аркадьич, ой устроит она ему сладкую жизнь.

– Ты мне лучше про нее не говори, – тихо попросила Леночка. – Она мне тут на днях звонила, хотела приехать, поболтать.

– Ага, поболтать. Хотела новых сплетен рассказать, да еще что-нибудь об Аркадьиче выпросить, чтобы его еще больше к себе привязать. Ты зачем ей про секс с профессором рассказала? Она ж его теперь крепко держит за эти, дай бог памяти, за яйца.

– Мне неудобно стало, Евдокия, они же квартиру оплачивают, питание.

– Они! – Яковлевич и Аркадьич, а не твоя профурсетка!
Я тебя предупреждала! А ведь Аркадьич тебя единственную
через два года не хотел менять.

Заплавав, Евдокия вытерла нос бумажным платочком.

ГЛАВА 5

На адаптацию в Греции Андрею потребовалась неделя. Все это время он, переживший клиническую смерть, утешал Александра, который тоже не поверил в инфаркт отца, зная о его прекрасном здоровье.

Самое печальное было в том, что Сашка не мог выехать в Россию, чтобы помочь матери с похоронами. Через подставных лиц он выслал денег и через них же обещал дальнейшую поддержку.

Андрей, читавший прессу, следя за статьями о гибели Бориса Ивановича, не нашел сообщений о своей смерти. Тишина стала понятной, когда появились публикации о полумистическом случае в морге. Вопрос рассматривался только с одной стороны – оживление. Куда девалось тело после воскрешения, никого не волновало.

Прошла неделя-другая, и все успокоилось. Нужно было продолжать жить.

Если Андрея интересовал вопрос бизнеса сам по себе, из спортивного желания добиться наилучшего результата, то Гена и Саша должны были кормить семьи.

Бизнес в Греции кардинально разнился с бизнесом в России. Но к хорошему привыкаешь моментально, и друзья, закаленные в экономических боях законодательной неразбе-

рихи, в ведении двойной и тройной бухгалтерии, в умении строить многоступенчатые схемы, легко вписались в новый бизнес.

В каждой стране есть основополагающая сельская культура. В Китае – рис, в Белоруссии – картошка, во Франции – виноградники, в России – хлеб, в Греции – оливы.

Деревья росли, как в России яблони в совхозах, – ровными рядами. Ухоженные, подстриженные, побеленные и подвязанные сетками, дабы при ветре не ломались ветки, но, главное, чтобы плоды не клевали птицы.

Урожай свозили на завод, сушили, сортировали по размеру и спелости. В зависимости от сортировки часть употреблялась для отжима масла, другая консервировалась в стеклянных или жестяных банках. Особого внимания требовали большие, увесистые маслины, их паковали в специальные коробки и рассылали в северные страны, чтобы реализовывать в ресторанах и крупных универмагах.

Жмых и отбраковка шли на удобрение все тех же оливковых деревьев и других сельскохозяйственных культур.

В такой бизнес вступили и трое друзей.

Качественное оливковое масло – продукт дорогой, в России большим спросом пользоваться не может. Политику и экономику великой родины все еще трясло от переворотов и революций, и от этой тряски деньги оседали в карманах и на счетах очень небольшого количества людей. Большинство населения оказалось в нищете.

И тогда три товарища ввели на заводе новую линию по разливу масла. Она занималась исключительно дешевым маслом третьего отжима, к тому же слегка разбавленного. Пятилитровые банки пошли в России на ура. На нем жарили и парили недорогие блюда в заводских столовых, в придорожных кафе и в пирожковых забегаловках.

Как обычно, через два месяца стабильного бизнеса Андрей заскучал. Вечера он проводил то в клубах, то в гостях у Гены и Саши. Однако и это не слишком развлекало его. Счастливая семейная жизнь штука хорошая для самой семьи, а вот наблюдать за нею со стороны – занятие скучное, и Андрей, попив пивка, уходил часов в девять вечера.

Периодически Андрей знакомился в клубах с девушками, но Греция – страна патриархальная и на близкий контакт шли редко. Приходилось пользоваться своими соотечественницами, украинками и грузинками, которые валом валили за границу в надежде выйти замуж или, на худой конец, заработать денег.

Встречаться больше двух раз с девушками у Андрея не получалось. Как только они узнавали, что у него в Греции успешный бизнес, а также хоть и небольшая, но вилла, потенциальные невесты становились приторно внимательными, то есть назойливыми.

Гена и Саша, обжившиеся в своих домах, стали больше интересоваться здешней системой образования. Их дети занимались в детском садике, работающем полдня и дававшем

не столько свободу их мамам, сколько начальное образование. Жены друзей стали активно изучать язык и осваивать систему скидок в магазинах.

Но Андрей так быстро перестроиться не мог, его постоянно тянуло в Россию. Он выписывал все центральные газеты и настроил в телевизоре российские телепрограммы.

* * *

Утро начиналось с овсяной каши и сладкого чая с лимоном. Затем Леночка не спеша шла в магазин, покупала что-нибудь свеженькое: молоко, фрукты, газеты. Выходить из дома она старалась каждый день.

Было странно жить одной и делать то, что хочется. Обычно девушка подчинялась чужой воле или обстоятельствам, а теперь все зависело только от нее самой. Требовалось только следить за своим здоровьем.

Один раз она набралась смелости и вечером поехала в театр Ленком. Была среда, но народу оказалось много, полный зал. Давали «Женитьбу Фигаро» Бомарше. Леночка получила огромное удовольствие. И теперь каждую среду она стала ездить в театр или ходить в музеи и на выставки.

К своему удивлению, девушка с особым вниманием присматривалась к мужчинам. Ее раздирало желание заняться сексом. Объектом вожделения становились и молодые парни, и мужчины в возрасте. Главное, чтобы они не были по-

хожи на Нирберга и не имели живота.

Но мужчины обходили Леночку стороной. Чем она их отпугивала, девушка не понимала и винила во всем свою изменяющуюся фигуру.

С пятого месяца беременности начал активно расти живот, увеличилась грудь и проснулся зверский аппетит.

С ужасом глядя на себя в зеркало, Леночка смирилась с тем, что полгода как минимум спать с мужчиной ей не придется. Был бы муж, он бы постепенно привыкал к изменениям в фигуре супруги. Но кто прельстится ею, растолстевшей и пузатой? Только извращенцы.

Иногда она просыпалась с надеждой, что никакой беременности нет, все рассосалось само собой.

Ну почему миллионы женщин мечтают о детях, лежат в больницах, усыновляют и удочеряют сирот, а у нее нежеланный ребенок и беременность протекает идеально, даже ток-сикоза нет.

В минуты, когда Леночка подумывала о том, чтобы перечитать учебник по гинекологии для того, чтобы избавиться от плода, ее живот сжимался, и непонятный голос не то души, не то совести, бубнил: «Не смей, не имеешь права. Не любишь – не люби, но дать жизнь ты обязана».

Однажды позвонила мама. Ей почему-то захотелось навещать дочь.

– Мам, только не говори, что соскучилась, – ответила Леночка.

– Соскучилась, доча, – голос матери звучал устало, – с отцом все время ругаемся, мальчишки меня не слушаются. А тут путевку от отдела образования выдали, бесплатную, в пансионат в Пятигорск. Ехать все равно через Москву, я и хотела по пути к тебе в гости заскочить, может, какое-нибудь красивое платье мне дашь.

– Мам, – Леночка даже прикрыла глаза, сдерживая чувства. Ей тоже очень захотелось увидеть маму, – я переехала обратно в общежитие, мне даже негде тебя принять. Нас здесь пять человек в одной комнатухе. Но я могу встретить тебя на вокзале. И платье привезти, и свитер, и обувь.

Они договорились о времени встречи.

Стоял морозный ноябрь, и Леночке пришлось перешивать пуговицы на дубленке, чтобы она сошлась на животе и груди.

В назначенный день, собрав в сумку вещи, которые она надевала только несколько раз, девушка поехала на Казанский вокзал. Дорога заняла два с половиной часа, и Лена опоздала к прибытию поезда на десять минут.

Мама стояла на пустой платформе. В дешевеньком пальто, обрюзгшая, не накрашенная, она смотрелась несчастной пожилой женщиной.

– Мама, – девушка обняла ее, поцеловала, – ты что такая бледная?

– Плохо себя чувствую. Мне же путевку по болезни дали. Как ты? Как беременность? Я с тобою в свое время ой как намучилась, а с мальчишками легко ходила.

– Я тоже легко хожу, и тоже мальчик. Я тебе тут вещи набрала, красивые и модные. – Она протянула пакет. Мать смотрела на нее не отрываясь. – Ты чего, мам?

– Мало я тебе внимания уделяла, все на Ваньку оглядывалась. А зря. Чужая я теперь и мужу, и детям. Какая же ты, Леночка, красивая. Надо было тебя больше баловать. А за ребенка ты не беспокойся. Когда родишь, я к тебе перееду, помогу. В Касимов его не отправляй, отец со света сживет.

Не сдержавшись, Аленка еще раз поцеловала мать.

– Как будет, так и будет. У тебя когда поезд на Пятигорск?

– Вечером, с Курского вокзала. Проводишь меня? А то я могу заплутать в метро.

Проводив мать до поезда, Алена помахала ей.

Возвращалась она еще дольше – три часа. Приехала в квартирку уставшая и расстроенная.

Вечером, неожиданно для себя, Леночка достала почитать не любовный роман или детектив, а учебник по общей терапии. Она поглядывала то в телевизор, то в книгу. Так учиться было гораздо интереснее. Никто ее не подгонял и не контролировал, как это обычно делал Семен Аркадьевич.

Впервые Леночка улыбнулась, представив, как реагирует Ольга на контроль профессора, какие у нее напряженные отношения с Дусей, которая исподтишка наверняка по-своему мстит ей.

После шестого месяца Леночка стала реже ездить в Москву, сил на театры и музеи не хватало. У нее был необычно

большой живот, и она боялась, что, несмотря на показания УЗИ, родится двойня. Но Петр Яковлевич успокоил, что у нее многоводие.

– Ничего страшного, просто будет крупный ребенок. Вот, возьми.

Взяв конверт с деньгами, успокоенная Леночка вернулась домой, к учебникам.

Теперь тетя Евдокия приезжала каждую неделю. Сидела с утра до обеда, помогала убирать квартиру и готовить еду.

Сейчас она выгружала продукты, привезенные из дома, в холодильник. Для «навешания» Леночки она снимала свое вечное домашнее платье и переодевалась в праздничное.

– Так-то она аккуратная, ничего не скажу. Но весь дом держать не может, то есть не хочет. А чего я должна за нею убирать? Не королева, сама пусть в спальне полы моет да тюль стирает. Ты вот, Аленушка, в отдельной комнатке спала, а она из постели Аркадьича не вылезает – боится, что он отвыкнет. Хозяин, смотрю, все чаще на работе да с друзьями засиживается, домой не спешит. Верный признак: скоро он ее погонит. На своем веку вас знаешь сколько навидалась? Но такой чучундры, как Ольга, не видела. А ты, наоборот, самая тихая. Ты какой сегодня супчик хочешь?

– Вермишелевый на молоке. Раньше терпеть его не могла, а теперь по две тарелки съедаю.

Мальчик родился здоровенький, три килограмма шестьсот граммов, ростом пятьдесят два сантиметра. День рожде-

ния – двадцать первого ноября. Дата странная. Ни скорпион, ни стрелец. Астрологи уверяют, что знаков зодиаков не двенадцать, а тринадцать, и несколько дней в ноябре как раз приходятся на знак Змееносца. У него свои особенности – и хорошие, и плохие, смотря как и куда повернет судьба.

В центре гинекологии Леночка провела месяц – Петр Яковлевич и другие специалисты наблюдали за здоровьем ребенка.

На общем совете было решено назвать ребенка Славой – слава богу, что родился.

Кто-то из медицинского персонала решил заработать или сам Яковлевич расстарался, но вокруг Лены и Славика опять поднялась шумиха. На осторожные замечания медиков, что ребенок родился от человека, впавшего в кому, вся желтая пресса и даже некоторые телевизионные каналы с удовольствием вещали: «Совершенно здоровый мальчик родился от покойника!!!»

Грудного молока от Леночки так и не дождались. Она сознательно не сцеживалась, не желая вызывать лактацию, и через несколько дней молоко перегорело.

Когда Славочку первый раз стали перепеленывать, Лена увидела около пупка, который осторожно обрабатывала студентка-сиделка, странную родинку, похожую на паучка.

«Еще и меченый», – подумала она.

Мальчик был миленький, молчаливый... и не родной. Не ощущала она в себе тех чувств, которые должны быть у фа-

нatically любящих матерей.

Из роддома Леночку забирали Евдокия, Нирберг и Петр Яковлевич. Довезли до квартирки на машине, и тетя Дуся осталась помогать на три дня. Семен Аркадьевич вообще не хотел уезжать, но Ольга звонила каждый час, требовала возвращения.

Через три дня Леночка осталась одна. За прошедший месяц она практически не притрагивалась к ребенку. Сначала его на неделю поместили в барокамеру и ухаживали за ним медсестры, а после три раза в день заходила медсестричка и помогала ей пеленать и купать ребенка.

Проводив Дусю, Лена надеялась выспаться, но, обычно такой спокойный, Славик ночью просыпался и плакал, требуя чего-то. От еды он отказывался, подгузники были сухими, а соску он выплевывал. Наверное, его нужно было покачать на руках, но Алена не смогла этого сделать.

Через неделю она научилась менять подгузники и кормить ребенка по расписанию. Особенно ей нравилось гулять. Сидишь во дворе, читаешь роман или учебник. Тишина. Никто нервы не треплет. А там, глядишь, кто-нибудь приедет в гости. Дуся не считается, она ездила через день.

На смотрины приезжали однокурсники. Они дарили подарки, напивались под манную кашку, делились впечатлениями детства и, если не забывали заглянуть в кроватку, хвалили Славика за красоту и спокойствие.

Но Новый год Леночка встречала одна, вернее со Славой.

Было завидно слышать из-за стены застольные песни и веселые крики, видеть за окном фейерверки и разноцветные петарды. Лена проплакала полночи, пока не заснула.

Не видели мальчика только два таких близких, правда, в далеком прошлом, человека. Ольга и мама. С Ольгой Леночка не хотела встречаться ни в коем случае, а до мамы не могла дозвониться вторую неделю.

Ей позвонил отец и будничным пьяным голосом сообщил, что мама Мария умерла в больнице от рака, о котором не говорила дочери. Сегодня были похороны. И лично он дочь больше видеть не хочет. Это она, Леночка, довела мать до болезни своим позорным поведением.

После звонка из дома депрессия Леночки достигла предела. Не хотелось жить.

Оставив ребенка дома, она сходила в аптеку и купила снотворных таблеток, которые ей выписал Петр Яковлевич, и бутылку водки.

В квартире молодая мама застала Дусю.

– Ты чего же дите одного бросила? – спросила та, гремя на кухне кастрюльками.

– У меня мама умерла.

Пройдя в комнату, Леночка поставила на стол бутылку и только потом пошла раздеваться.

Дуся заночевала в Химках. Женщины пили водку и до двух часов ночи жаловались друг другу на жизнь.

Утром неожиданно позвонила Ольга.

– Слушай меня внимательно, королева из-под Рязани. Не родись красивой, а родись счастливой. Скоро закончится твоя лафа. Я, кажется, уломала Нирберга, и мы усыновим твоего ребенка. А с квартиры ты съедешь и денег больше получать не будешь. Не хрена мои денежки тратить.

– Ты чего побледнела, – Дуся вышла из ванной, вытираясь полотенцем. – Курва, что ли, звонила?

– Она. Предупредила, что ребенка заберет Нирберг и что мне нужно съезжать с квартиры.

– Дела-а. – Дуся заглянула в кроватку. – С жильем я никак не помогу, сама приезжая, а в общежитие тебе не вернуться. Ненавидит тебя Ольга. Завидует красоте твоей и тому, что Аркадич забыть тебя не может... Ай ты мой красавчик, Сла-вочка.

ГЛАВА 6

За прошедшие полгода Андрей решил не только расширить бизнес, но и стать менее зависимым от Гены и Александра. Просчитав возможный риск, прибыль и то, что обстановка в Российской Федерации постепенно все-таки стабилизируется, он начал экспортировать оливки и маслины не в банках, а на развес, а также местную водку и вина.

Друзья Андрея поняли и поддержали. Они сосредоточились на оливах и купили пять гектаров оливковых деревьев.

Для контроля и новых контрактов необходимо было ехать на родину. Из соображений безопасности хотели командировать управляющего заводом – Софокла Папилоса. Он учился в Саратове на инженера-технолога и бегло говорил на русском языке. Грек с удовольствием готовился к поездке, но, как всегда, вмешалась судьба.

Просматривая за завтраком газеты, Андрей увидел статью о младенце, которого нерадивая мамашка родила от покойника. Осталось отсчитать девять месяцев от восьмого марта и получить точную дату рождения мальчика.

За две недели набралось много материалов, в том числе и исследования профессора Петра Яковлевича Радужного. Внимательно их прочитав, Андрей решил, что к его ребенку это не имеет отношения. Он сам заставил себя впасть в кому, и серьезных повреждений в его теле на момент соития не

было.

Через месяц он решился.

На совместном субботнем пикнике на вилле Геннадия, когда детишки друзей бегали по газону, играя в войнушку, а жены раскладывали по тарелкам салаты, Андрей разлил по бокалам граппу и подал выпивку друзьям. Гена и Саша сидели в шезлонгах, греясь на осеннем солнце.

Встав перед ними, Андрей улыбнулся.

– Ребята, в Россию полечу я.

– И с чего это? – лениво спросил Гена, наблюдая за своими детьми – мальчиками трех и пяти лет. – Софокл хотел навестить в России свою студенческую любовь.

– Навестит за свой счет, а не фирмы. Я стал отцом...

– Святым духом, что ли? – оживился Саша. – Или по Интернету?

– Я вам не говорил, все выглядело слишком странно и нереально. Короче, в последнюю ночь перед побегом я оказался в морге.

– Эту хохмочку мы помним, – перебил Гена, – ты ближе к отцовству.

– Так вот, там меня изнасиловали две девушки. На второй я не смог притворяться покойником, так сказать, ожил и кончил.

– Ма-лад-ца! – восхитился Саша. – В любое время, в любом месте. Ролевые сексуальные игры отдыхают. А чего ты всполошился? Анька! – неожиданно закричал он. – Отпусти

Вадика, он же младше тебя! Не бей!

– Вот видишь, – Андрей качнул бокал в сторону лужайки с детьми. – А мне играть не с кем. Короче, я еду за сыном. Заберу его сюда. И сам проконтролирую все наши контракты.

На оформление бумаг по сделкам и въездной визы ушло две недели.

В Москву Андрей прилетел вечером, ближе к ночи. Заплатив большие деньги, добрался до центра города и снял номер в гостинице. Спал в эту ночь плохо, думал, по каким каналам будет вычислять адрес той ненормальной, что от него родила. Вопросы по контрактам его волновали гораздо меньше.

Еле дождавшись утра, Андрей отправился в медицинский институт, где работал Петр Яковлевич Радужный.

Разговор у них был недолгий. Петр Яковлевич немного расстроился, что впавший в кому пациент не умер. Но, с другой стороны, уникальный случай уже вошел в его диссертацию, и судьба Леночки его интересовала только с научной стороны. А тут такой подарок – объявившийся папаша готов взять мальчишку себе.

– Как мне найти сына? – спросил Андрей.

– Очень просто, – обрадовался Радужный. – Она живет где-то в Химках... не помню, где именно, был там только один раз, когда мы привозили Леночку из роддома. За рулем сидел Сема, так что я дорогу не запомнил.

– А давайте-ка я его навещу. Уточню адрес.

Просчитав в уме все варианты, Петр Яковлевич решил, что с молодого человека, решительно настроившегося на усыновление, можно содрать неплохие деньги.

– Тысячи долларов хватит? – понял сомнения доктора Андрей.

– Маловато будет. Мы квартиру оплачивали, питание. Сейчас содержим.

– А хотите, чтобы вышла публикация с генетическим доказательством, что труп – это я, вполне живой человек? А я расскажу, что не был в коме, а просто подшутил над студентками. В одной газетной статье была такая версия.

Петр Яковлевич побледнел. Ему так нравилось находиться в центре внимания коллег и совсем не хотелось осложнений...

– Давайте тысячу. А адрес Леночки я действительно не знаю. Вам придется ехать к профессору Семену Аркадьевичу Нирбергу.

Дверь открыла пожилая круглая тетка. На ней было темное длинное платье и яркий передник в оборках.

– К профессору, молодой человек, без звонка не приходят, – и она попыталась закрыть дверь.

– Я по поводу Лены и ее ребенка.

– А журналистов мы вообще не любим, – посуровела женщина и опять потянула дверь на себя.

Не дослушав, Андрей отодвинул ее и шагнул в квартиру.

– Мне очень срочно. Где профессор?

– Аркадьич! К нам кто-то вперся! Вас спрашивают!

Андрей прошел по коридорам, заглядывая во все комнаты.

Профессор лежал на диване в гостиной и с первого взгляда не понравился Андрею.

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Звонарев. Я приехал, чтобы узнать адрес моего сына, которого родила ваша близкая знакомая, Леночка.

Чтобы выглядеть солиднее, Нирберг встал с дивана и пересел в кресло.

– Я не обязан вам верить, молодой человек. В роддоме в палату к Леночке ушли журналисты и под видом медсестер проникали, и под видом родственников. А вы из каких будете?

– Я из морга. Она от меня родила.

Андрей снисходительно рассматривал пожилого молодящегося мужчину.

– И такие объявлялись, деньги требовали. Я вызываю милицию. Не шучу.

Ощувив исходящую от профессора волну ненависти, Андрей наклонился к креслу и посмотрел Семену Аркадьевичу в глаза. И заговорил медленно, чуть покачивая головой:

– Ты от меня зависишь, ты боишься меня и, чтобы не было неприятностей, говоришь мне адрес Елены.

Раскачиваясь в одном ритме с Андреем, Нирберг прикрыл глаза.

– Она живет в Химках, на улице...

Выходя из квартиры, Андрей столкнулся с домработницей.

– Слышь, папаша новоявленный, ты давай, поспешай. Она только что звонила, просила меня приехать, чтобы я ребеночка забрала, а то она собирается таблетки пить. Нервов, вишь, у нее на нелюбимое дитя не хватает. Или подожди, я с тобою поеду.

Андрей на секунду растерялся, но тут же взял себя в руки.

– Нет, я думаю, что смогу справиться сам, – возразил он.

Со стороны кабинета послышался протяжный голос.

– Ду-у-уся. Мне пло-о-хо!

– Ну, езжай тогда. Чего встал? Иди, я за тобою дверь закрою.

Андрею казалось, что у двери в квартиру Лены он стоит не меньше получаса, он уже подумывал о том, чтобы взломать дверь. Для контроля еще раз нажал на кнопку звонка и прислушался.

В квартире послышались детский плач и какая-то возня. Затем дверь открылась, у него даже не спросили «кто там?». На него смотрела девушка в ситцевом халате, с распущенными волосами, босая.

Она стояла, переминаясь с ноги на ногу.

– А где тетя Дуся?

– Я за нее.

Андрей вошел в квартиру.

– А вы кто? – спросила Леночка, равнодушно глядя на гостя.

– Отец твоего, вернее, моего сына.

Реакция на его слова была не такой, какую Андрей ожидал. Девушка смотрела на него большими коровьими глазами и моргала, мало чего понимая. И тут он догадался, что она действительно что-то приняла. Разговор о таблетках оказался не просто угрозой.

Андрей, захлопнув входную дверь, прошел в комнату. На столе лежала пеленальная подушка. Чуть сбоку, рядом с тарелкой с недоеденными пельменями, стояли детские бутылочки с соками и кашей, бутылка минеральной воды и лежали пупырчатые упаковки таблеток. Одна из них была пустой.

Андрей оглянулся на Лену. Ее взгляд уже стекленел, теряя осмысленность. И в этот момент Андрей понял, что ему совершенно не жалко эту женщину. При живом малыше позволить себе уйти от проблем – эгоизм высшей пробы.

– Иди в туалет и постарайся вызвать рвоту.

Послушно повернувшись, Лена вышла из комнаты.

Детская кроватка стояла в углу. Сторона, где обычно располагаются прутья, была завешена теплой пеленкой.

На всю жизнь Андрей запомнил те несколько шагов, которые он прошел к своему сыну. Он не знал, что его ожидает, как выглядит его сын, есть ли у него отклонения, не уродлив ли он. И вместе с тем чувствовал, что уже любит его. Любого.

В кроватке под теплым одеяльцем, в байковом чепчике,

в распашонке с закрытыми ручками лежал младенец и смотрел на Андрея большими темно-синими глазами. Мальчик был необычайно красив. У Андрея возникло непреодолимое желание взять его на руки. Он поднял одеяло, и ребенок задрогал ножками, замахал ручками, закричал.

– Ему пора есть. Сейчас дам бутылочку...

Андрей обернулся. Лена стояла в проеме двери. Бледная, равнодушная, мокрая после умывания.

– Ты не кормишь грудью?

– Нет. Молоко сразу перегорело. Он сначала был очень спокойный, а теперь все время плачет... Я уже не помню, когда спала три часа подряд.

Малыш в кроватке кричал все сильнее и, сморщившись от обиды, что на него мало обращают внимания, заплакал.

Не сдержавшись, Андрей взял его на руки и прижал крохотное личико к своей щеке. Мальчик тут же успокоился, засопел и сделал чмокающее движение. От ребенка пахло молоком и тем необычайным запахом, которым пахнут только родные дети.

– Где его еда? – спросил Андрей, не в силах отпустить малыша с рук.

– Вот.

В его правую руку Лена вложила бутылочку с теплой смесью.

Удобнее устроив сына на левой руке, Андрей поднес бутылочку к ротику малыша. Тот моментально засопел, смеши-

но поглощая смесь. Он старательно пытался, высасывая кашку из бутылочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.